

Глава первая

МОЗАИКА

Слухи буквально душили город. Всегда сопутствующие пожарам, авариям, несчастным случаям, оживленные прямо пропорционально необычности события, сейчас они бурлили как никогда — настолько чрезвычайным, из ряда вон выходящим было происшествие.

— У них еще за углом машина стояла, а в ней три здоровенных битюга... — шептались на троллейбусной остановке.

— Двести тысяч, жена в банке работает, в курсе дела... — слышалось в толпе у кинотеатра.

— Так и написали: мол, и судью, и прокурора, и начальника милиции...

Вот уже несколько месяцев изощрялась взбудораженная фантазия обывателя, компенсируя недостаток информации вымыслом или преувеличениями.

Кто-то напрягается, измышляя, чтобы продемонстрировать причастность к сведениям, недоступным «простому» человеку, кто-то добросовестно пересказывает услышанное в очереди — приятно хоть на несколько минут оказаться в центре внимания, — кто-то просто болтает от скуки.

— А я слыхала: грозятся сорок детей украсть, — вещает старушка на лавочке у подъезда. — Я своего Игорька ни на шаг не отпускаю...

4 Молва стоуста и безлика. Но в основе слухов — болтливость и некомпетентность, качества, которые порознь не живут. Игнат Филиппович Сизов, известный множеству хороших и еще большему числу совсем скверных людей под прозвищем Старик, знал это лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому, услышав досужие рассказы, он брезгливо морщился. В душе. На лице его редко отражались эмоции.

— Она в тот день снимала с книжки деньги и все видела. Так они ее выследили и через окно застрелили. Вчера вечером, истинная правда, я живу напротив...

Протискивающийся в трамвайной толчее к выходу, Сизов раздраженно взглянул на массивную челюсть и толстые покрашенные губы, вплетающие еще одну чушь в букет небылиц о «Призраках».

Спрыгнув на серую булыжную мостовую, он через несколько кварталов отыскал нужный адрес, открыл ветхую калитку и прошел в угол захламленного двора к запущенному покосившемуся флигелю.

Последний раз он был здесь давно, лет пятнадцать назад, да, точно, декабрьской ночью шестьдесят четвертого. Желторотый Мишуев, подчиняясь короткому жесту, стал под окно, а он взлетел на крыльцо и с маху вышиб дверь. Может быть, именно эту — растрескавшуюся и многократно латанную.

Не стараясь скрыть звук шагов, он поднялся по скрипучим ступенькам и вежливо постучал.

В это время на другом конце города в своем кабинете Мишуев, поучая, как обычно, Кранкина и Гортюза, тоже вспоминал Старика:

— Не учитесь работать у Сизова! Его слава сильно преувеличена, хотя когда-то что-то, возможно, и было. Но теперь он выработался и списан в тираж. Одно слово — пенсионер. Чтобы не скучать, ходит, копается в мелочах, занимается всякой ерундой.

А Сизов сидел в убогой, пахнувшей сыростью комнатенке и толковал с субъектом весьма предосуди-

тельного вида о каких-то котках и кошках, выяснял, сколько у них усов и когтей на лапах, как расположены хвосты, есть ли кисточки на ушах.

Если бы молодые сотрудники увидели эту картину, они согласились бы со словами Мишуева, тем более что говорить он умел очень убедительно.

Но Александр Крылов знал цену его убедительности, знал Сизова и потому ни при каких обстоятельствах не признал бы, что Старик может заниматься ерундой. Он вообще позволял себе не соглашаться с начальством, а Мишуева откровенно недолюбливал, потому и сидел в районе, хотя несколько раз подворачивалась возможность уйти с повышением в областной Аппарат.

Иногда он об этом жалел, сейчас наступила как раз такая минута: рутинные обыденные бумаги, осточертевшая повседневная мелочовка, а там, в управлении, другой уровень работы, другой масштаб, именно там осуществляется настоящий, главный розыск, к которому районные отделы подключены постольку-поскольку...

Крылов меланхолично глядел в окно, туда, где, сталкиваясь, перекручивались и втягивались воронкой подземного перехода плотные потоки прохожих. Усредненные модой прически, одежда и обувь делали их похожими. То, что отличает каждого, запрятано глубоко внутри и проявляется в привычках, поступках, линии поведения. Беглым да порой и пристальным взглядом этого не ухватишь. Лишь в конкретной жизненной ситуации личностные свойства обнаруживают себя, и человек может раскрыться с совершенно неожиданной стороны.

Крылову и его товарищам подобные превращения были хорошо известны, но и они к ним не привыкли. Одно дело — когда в основе содеянного лежат неконтролируемый взрыв эмоций, вспышка страстей, аффект, и совсем другое — подленький расчет, похоть, корысть.

6 Сизов особенно ненавидел трусость, двоедушие и коварство, считал, что эти свойства натуры ни при каких обстоятельствах понять и объяснить невозможно. Превыше всего Старик ставил уверенность в человеке; ненадежность, по его мнению, тоже не могла быть ничем оправдана.

Крылов, делающий жизнь со Старика, был солидарен с его мнением и старался, чтобы на него самого можно было полностью положиться. До сих пор ему это удавалось — он никогда никого не подводил, даже по воле объективных обстоятельств, на которые частенько списывают необязательность и разгильдяйство.

Ветер вогнал в кабинет облако пыли, и Крылов захлопнул раму.

Через несколько минут звонок внутреннего телефона отправит его на очередное происшествие районного масштаба, и оно неожиданно окажется узловым моментом жизни, первым звеном в длинной цепи причинно-следственных связей, ведущих к той самой обусловленной объективными обстоятельствами ненадежности, которую он допустит первый и последний, один-единственный раз, за которую будет плачено дорогой ценой и которую он никогда не сможет себе простить.

Но сейчас Александр Крылов ничего этого не знал, он вернулся к работе, настроение понемногу улучшалось.

А Сергея Элефантова угнетали тоска и тревога, окружающие замечали его состояние, но не удивлялись: очередной отказ Комитета по делам изобретений и открытий поступил в институт, и канцелярия еще до обеда разнесла весть по всем этажам.

Орехов проснулся с тяжелой головой, но «поправился» и, весело насвистывая, загрузил в багажник «ЗИМа» ящик чешского пива и связку воблы — сегодня он организовывал баню для уважаемых людей. Один из них — Алексей Андреевич Бадаев — был

не в духе, нервничал, даже париться не хотел. Но Кизиров с Платошкиным уговорили — дескать, все обойдется, не впервой.

Кизиров накануне крупно выиграл в преф и был доволен собой, а Полковник и того больше: он купил Элизабет давно обещанные бриллиантовые серьги, та пришла в восторг и сделала все, чтобы Семен Федотович ощутил себя настоящим мужчиной.

Надежда Толстошеева и вовсе находилась на седьмом небе: все складывалось отлично, одно к одному. Хорошо съездила в столицу, удачно скупилась и выгодно расторговалась, Владимир позвонил в магазин и сообщил, что у них с братом все в порядке, скоро ожидается партия импортной обуви, а Марианна пообещала принести чеки... Да Галка из посредбюро пригласила к себе на вторник, познакомит с солидными людьми, может, и решится вопрос с кооперативом.

Вот только Нежинская не забрала набор на шубу, хотя и обещала зайти сегодня утром, а держать товар Надежда не любила: бортануть бы ее — та же Марианна просила шкурки, — да не стоит. Баба деловая, со связями, может пригодиться...

Вадик Колосов был, пожалуй, счастливей всех: на детской площадке он нашел интересную тяжеленькую штучку — сплюсненный кусочек металла с четкими наклонными вмятинками сбоку. Дима сразу предложил в обмен никелированный шуруп, да и другие дети просили подержать или хотя бы посмотреть.

Меняться Вадик не стал, держать и смотреть давал, а потом сунул находку в карман, куда складывал все нужные и полезные вещи. Вечером, когда он спал, мама вытряхивала из штанов в мусорное ведро граммов триста всякой всячины.

Если рассматривать вблизи кусочки мозаичного панно, нипочем не поймешь, что же оно изображает. Но чтобы охватить взглядом всю картину, надо,

8 по крайней мере, догадываться, что цветные осколки связаны между собой определенной логикой единого замысла.

В кабинете Крылова звякнул внутренний телефон.

Глава вторая

ПРОИСШЕСТВИЕ

Хуже всего было то, что не удавалось установить направление выстрела.

Я все-таки пригнулся к пробоине — будто ребенок продышал в мутном стекле чистый кружочек, позволяющий без пыльной пелены видеть серый бетонный скелет двенадцатиэтажной «свечки», колкие огоньки электросварки, оранжевые жилеты и коричневые каски монтажников, зависшую неподалеку кабину башенного крана, сияющие свежей краской рамы и балконы недавно заселенного дома.

Работы предстояло много, потому что и каркас двенадцатиэтажки, и кран, и добрый десяток квартир новостройки могли иметь отношение к этому окруженному паутиной радиальных и круговых трещин отверстию с выщербленными краями, сквозь чешуйчатую воронку которого тянуло пыльным ветром и просачивался грохот близкой стройки.

Если соединить ниткой точку попадания с пробойной и продолжить воображаемую линию, она упрется в место, где находился стрелок. Но сейчас обычный способ не годился: экспериментальная планировка — окна в противоположных стенах. Всегда светло, сухо, хороший обзор. И возможность сквозного пролета пули.

Я повернулся, сделал несколько шагов по пушистому ковру, по которому нужно ходить босиком, чтобы он упруго щекотал подошвы, переступил через ползающего на четвереньках Зайцева и подошел к окну, выходящему на южную сторону.

Перекресток внизу казался игрушечным, напоминающие божьих коровок легковушки, дожидаясь разрешающего сигнала, скапливались перед светофором, затем срывались с места и, набирая скорость, растягивались на подъеме к Южному микрорайону. До седьмого этажа доносился тугой гул протекторов и едва ощутимый запах выхлопных газов.

Я потрогал раму с неровными осколками оставшихся стекол. Второй опорной точки, необходимой для визирования, увы, не существовало. Может, необычная планировка способствует сквознякам... А в остальном эксперимент удался: квадратная комната, много солнца, воздуха. Распахнутость стен создавала ощущение простора, сохраняющегося даже сейчас, когда здесь толклись шесть человек.

Средних лет супруги — жильцы с четвертого этажа, — вполглаза наблюдая, как Ивакин штангенциркулем замеряет пробойну, то и дело непроизвольно осматривались по сторонам. Я много раз замечал: люди охотно идут в понятия, наверное, потому, что получают возможность на законном основании приобщаться к тайнам чужой жизни. Сейчас я попробовал взглянуть вокруг их глазами.

Солидный импортный гарнитур, низкие, располагающие к отдыху кожаные кресла, матово поблескивающий журнальный столик, пружинящие блестящим ворсом ковры на стене и на полу — все тщательно подобрано и гармонирует между собой. У хозяйки хороший вкус.

«Интересно, сколько стоит выстроить и обставить это кооперативное гнездышко?» — подумал я, направляясь в прихожую и вновь переступая через Зайцева.

— Не мельтеши, Саша, — сквозь зубы процедил тот. — Пойди лучше побеседуй с соседями.

Следователь старательно растягивал рулетку, конец которой держал Гусар, и диктовал сам себе:

10 — В трех метрах двадцати двух сантиметрах от северной стены возле застеленной простыней тахты на ковре темно-бурое пятно неправильной формы размером семнадцать на двенадцать сантиметров, по внешнему виду напоминающее кровь...

Я щелкнул затейливым замком и едва успел схватиться за ручку: невесть откуда взявшийся ветер резко рванул дверь. Подъезд играл роль вытяжной трубы.

В трех соседних квартирах никого не оказалось, я спустился на шестой этаж, потом поднялся на восьмой, для очистки совести заглянул на девятый. Безрезультатно. Никто ничего не знал, не слышал и не видел.

Когда я вернулся, Зайцев, неловко согнувшись у простреленного окна и закрыв левый глаз ладонью, смотрел через бумажную трубочку, вставленную в пробоину. Трубочка свободно двигалась вправо-влево и вверх-вниз, но следователь упрямо пытался сориентировать ее по единственной опорной точке. Ясно: хочет хотя бы приблизительно представить, откуда могли стрелять.

— Диаметр отверстия — от девяти до девяти с половиной миллиметров, — значительным тоном сообщил Гусар. — Можно было бы предположить «ПМ», но расстояние... Сотня метров — для пистолета далековато... Скорей всего, какой-то из девятимиллиметровых охотничьих карабинов — «Лось», «Медведь»...

— В стекле пуля оставляет отверстие больше своего калибра, — вмешался Ивакин. — Так что здесь не «девятка»...

— Вы уже начали оперативное совещание? — недовольно спросил Зайцев, отрываясь от своего занятия и выразительно посмотрев на превратившихся в слух понятых. — Пусть лучше Гусаров ознакомит товарищей с протоколом.

Сделать это вызвался Ивакин. Пока он выразительно читал казенный текст, мы вполголоса перего-

варивались в противоположном углу просторной комнаты. 11

— Или с двух верхних площадок этой башни, — Зайцев кивнул в сторону стройки, — или из кабины крана. Может, крайние окна нового дома, но маловероятно.

— Однако! — Лицо Гусара выражало полнейшее недоумение. — Прямо итальянский детектив! И ради чего? Уж точно не из ревности!

— Почему же, мой юный друг? — поинтересовался Зайцев.

— Слишком сложно. Обычно кухонный нож, кирпич, топор, кастрюля с кипятком... Да и потом... Видели ее фотографию? Вот, на серванте лежала.

Он протянул маленький прямоугольник. Вытянутое лицо, длинный нос, запавшие щеки, мешки под глазами. Вид нездоровый и изможденный. Я испытал некое разочарование, наверное, оттого, что по ассоциации с обстановкой и убранством квартиры представлял хозяйку иной.

— Внешний вид ни о чем не говорит, — сказал Зайцев. — Слышал поговорку: на каждый товар есть свой покупатель, только цена разная? А в любовном ослеплении люди склонны переплачивать...

Верно. Кровавые драмы разыгрываются, как правило, вовсе не из-за красавиц.

— И вообще, юноша, избегайте категоричных суждений, — нравоучительно произнес Зайцев. — Особенно если они поспешны и не продуманы.

Следователь зевнул.

— Устал и есть хочу. По «Призракам» ничего нового?

Я качнул головой.

Понятые подписали протокол, но уходить не спешили. Тайны хороши, когда разгаданы.

— Сколько стоит такая квартира? — неожиданно брякнул Гусар.

12 Женщина обиделась:

— Это вы не у нас спрашивайте. Мы пять лет за границей работали, в тропиках, в обморок от жары падали! И на заводе уже пятнадцать лет! — Тон ее стал язвительным:

— Потому вы у других спросите, на какие деньги да как попали в кооператив... У нас своим поотказывали!

— А что вы можете сказать о Нежинской? — продолжал наступать Гусар.

— Да ничего. Встречаемся иногда в подъезде. Здороваемся.

— Культурная дамочка, — подал голос мужчина, но под взглядом жены осекся.

— Знаем мы культурных! Я горбом, а они...

Женщина замолчала. Я дернул Гусара за рукав, предупреждая следующий вопрос.

— Большое спасибо, товарищи. — Зайцев с открытой улыбкой пожал понятым руки. — Вы нам очень помогли. Сейчас опечатаем квартиру, и все — можете быть свободны.

Через полчаса я обследовал строящееся здание. Кроме неогороженных лестничных маршей и междуэтажных перекрытий, еще ничего смонтировано не было, поэтому путешествие на двенадцатый этаж производило сильное впечатление. Трудно представить, чтобы кто-нибудь отважился подняться туда в сумерки. Бригада рабочих сваривала арматуру железобетонных плит с каркасом и заделывала раствором монтажные проемы. Пахло горящими электродами и мокрым цементом, трещала вольтова дуга, громко перекрикивались монтажники. Под ногами змеились черные провода с неизолированными медными скрутками соединений.

— А если наступят? — Я пальцем показал сопровождавшему прорабу опасные места.

— Не наступят! — преувеличенно весело ответил тот. — Ребята опытные, со стажем!

— Опытные, говоришь? А в прошлом месяце на Котловане неопытного убило? Сидеть-то кому — знаешь? 13

Прораб поскуучнел.

— Сейчас сделаем! — И с натугой рассмеялся. — Если днем черт ногу сломит, то ночью и подавно! Никого здесь не было!

Действительно, рабочие не заметили следов пребывания постороннего человека. Я походил по площадке. Причудливая башня экспериментального кооператива «Уют» хорошо просматривалась почти отовсюду, но прилепившаяся, как ласточкино гнездо, квартира Нежинской то пряталась за колонну, то перекрывалась сварочным агрегатом или бетономешалкой, то оказывалась в створе с тросами лебедки. Одно место было подходящим, но оружие пришлось бы держать на весу, что снижает вероятность верного выстрела.

А вот кабина крана расположена подходяще...

Направляясь к лестнице, я заметил, что провод надежно изолирован.

— Сказано — сделано! — похвастал прораб.

— Пока гром не грянет... — пробурчал я. — Кто охраняет стройку по ночам?

— Есть люди, специальный штат держим. И днем, и ночью сторожат...

— Не спали этой ночью?

Небритый, неопределенного возраста сторож, часто моргая красными веками, отрицательно покачал головой.

— Кто-нибудь посторонний на стройку заходил?

Он снова мотнул головой.

— Вы что, немой?

— Гы-гы-гы... Почему немой? Очень даже разговорчивый! Только не с милицией, гы-гы-гы...

Он старался дышать в сторону, но хитрость не помогла — запах перегара чувствовался даже на рассто-

14 янии. Понятно, как он сторожил территорию в минувшую ночь и что мог видеть.

Я подошел к прорабу, ожидавшему в стороне с безразличным лицом:

— Кабина крана заперта?

— Должна. Но точно не скажу, а спросить неко-го — крановщик болеет.

— А ты слазь, посмотри, гы-гы-гы, — прогнуса-вил сторож. — Могу подсадить, гы-гы-гы...

Лезть на верхотуру не хотелось. Зачем? Вызвать крановщика, поручить ему осмотреть свое хозяйст-во, допросить — и дело с концом! Но я разозлил-ся. Не столько на пьяного полудурка, неспособно-го хорошо выполнять любую работу и начисто от-рицающего в других возможность риска ради дела, сколько на себя, готового подтвердить эту тупую примитивную уверенность. Сплюнув, шагнул к лест-нице.

Самое главное — не смотреть вниз, но и тогда ощущаешь под ногами многократно увеличенную во-ображением бездну. И приходит мыслишка, что рука или нога могут соскользнуть, проржавевшая скоба — отвалиться, либо порыв ветра опрокинет кран...

Когда видишь вблизи много аварий, несчастных случаев и катастроф, очень легко представить, как все это может произойти с тобой. И хочется заме-реть, а потом медленно, осторожно сползти туда, где твердо, привычно и безопасно. Кто что скажет? А на гыгыканье какого-то пьянчуги — плевать...

Но я не спускался, а карабкался вверх, пока не уткнулся в исцарапанную, мятую, с облупившей-ся краской дверь. Мне нужна была передышка, к счастью, кабина оказалась незаперта. Забравшись внутрь, я перевел дух и плюхнулся на крохотное жесткое сиденье. Руки и ноги дрожали. Ладони сад-нили, в них глубоко въелась ржавчина, кое-где была содрана кожа.

Балкон Нежинской находился почти пря- 15
мо напротив, и, если поднять половину ра-
мы, получится прекрасный упор для винтовки.
Стрелять отсюда очень удобно. Удобно? Я с сомне-
нием посмотрел на дрожащие пальцы. Вначале надо
успокоиться. Я расслабился, закрыл глаза и вдруг
ошутил... Или показалось? Вроде бы нет. Даже не
запах, а слабый его оттенок. Знакомый, но очень
неподходящий для этого места. Кислый, острый,
несмотря на ничтожную концентрацию. Так пах-
нет в тире, круглосуточно, им пропитаны воздух,
стены, пол стрелковой галереи. Запах сгоревшего
пороха.

Встрепенувшись, я тщательно осмотрел кабину:
шарил по полу, заглянул за кресло, проверил па-
зы рычагов, приподнял резиновый коврик. Что на-
деялся найти? Гильзу? Окурок со следами слюны
и характерным прикусом? Визитную карточку или
паспорт преступника? Не знаю. Просто делал то, к
чему был приучен многими годами розыскной ра-
боты с ее основным принципом — не упускать ни
малейшей возможности добыть новое доказатель-
ство. Достаточно четкое, материальное, не допу-
скающее двояких толкований. При этом не особен-
но рассчитывал на успех. Чудеса случаются крайне
редко.

Несколько минут я спокойно посидел в металли-
ческом, обтянутом потрескавшимся дерматином кре-
слице, смотрел на ведущую к Южному микрорайону
дорогу и размышлял о делах, не имеющих ни малей-
шего отношения к службе.

Потом начал спускаться, и получалось это гора-
здо лучше.

Ступив на землю, с облегчением вздохнул и с удо-
вольствием сказал сторожу:

— Может, тебя подсадить? Слазишь, проветришься!